

РИТУАЛЬНО-МАГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА РЫБАКОВ КАРГОПОЛЬСКОГО РАЙОНА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ.

А.А. Трофимов

Рыболовный промысел всегда занимал одно из ведущих мест в хозяйственной деятельности мужского населения Русского Севера¹⁹³. До сих пор архангелогородцев и жителей Архангельской области называют «трескоеды», поскольку «трещочки не поеси — не пообедаешь» (Кропачев В.С., 1927 г.р., с. Бор). Распространен рыболовецкий промысел был как на побережье Белого моря, так и среди жителей континентальной части, богатой реками и озерами.

В этнографическом описании Каргопольского уезда Ф.К. Докучаев-Басков пишет: «И озеро Лаче и река Онега занимают не последнее место в губернии! <...> это же озеро и река — кормили, да и — хотя скудно — кормят и теперь окрестные волости и Каргополь рыбкою»¹⁹⁴. В наше время промысловый лов рыбы в Каргопольском р-не практически сошел на нет, верования и обряды рыболовецких артелей перешли в обиход рыболовов-любителей, но нами собран обширный материал, относящийся к ритуально-магической стороне этого промысла.

Все стадии рыбалки сопровождаются определенными ритуалами, направленными на то, чтобы лов был удачен. Рыбак воспринимается как человек «знающий», общающийся с нечистой силой. Довольно часто рыбак, охотник и пастух на этом основании ставятся в один ряд: «Приметы разные есть. Какие приметы? Как рыбу ловить, как пасти, как што. Рыбу тоже... Надо что-то знать. Старики были, они знали» (Боронин А.Т., 1909 г.р., с. Ухта). Объединяет эти профессии то, что у их представителей есть специальный заговор — «отпуск» (или «статья»): «[Рыбаки] они знают, у них такая статья есть. У них статья. И они по этой статье и ловят. Вот который не знает статьи, дак им никогда и не попадает ничего. А как у них статья есть, они прочитают статью, и им и попадает» (Слотина А.И., 1922 г.р., с. Тихманьга); «И на рыбака есть отпуск. Будешь рыбу носить. На охотника. Будешь хорошо охотиться. Тожо слова есть такие. Я этово не знаю, но они почитают пойдут, и им охота хорошо пойдёт. Он ведь не даст никому всё равно, пока не умрёт. Пока охотиться» (Казанин Г.Ф., 1937 г.р., с. Печниково).

Иногда бывает, что один и тот же заговор используется, когда идут и на охоту, и на рыбалку: «Есь у охотников статья, заговор какой-то. На рыбу я заговор знал, дак, может быть ещё пойду. У охотника статья-то, чтобы ему изловить. Ну я вам на рыбалку ли, на охоту одну скажу. Допустим, я сам на себя. Я вышел, значит, пошёл рыбачить или пошел на охоту, выхожу назад не оглядываясь. Вышел вот в свой приусадебный участок, вон к той огороде, там ружьё на плече, пошел, значит, говорю три раз: “Стану благословесь, пойду перекрестесь из ворот в ворота, на святое поле, во святом поле стоит три дуба, под тремя дубами стоит три святых мученика: первый Федосей, второй Елисей, третья Елена Пресвятая. Елена Пресвятая, возьми ключи потойные, открой тюкачи месные. По реке плывёт три лебеди, три гуся, три утки; рабу Ивану открой жертву”. Вот так три раз надо, и потом пожалуста, пошол. Помогает, это я верю, што помогает. Тюкачи месные — это куски мяса или вроде этого» (Качков И.М., 1918 г.р., с. Тихманьга).

Собственно рыбацкий заговор записан в с. Нокола: «Рыбацкая молитва для удачного лова рыбы. Пойду я на быстру реку, на ей есть рыбки потянущи, и опустили бы мы невод, как шелков ложок, и в этот неводок, в каждый поводок наскокало бы рыбы как чины» (переписано из тетрадки Куценко А.Ф. 1941 г.р. и Куценко М.И. 1935 г.р., с. Нокола).

У рыбаков выработались правила, касающиеся их внешности, которым они следовали во время лова: «Да, пока я на рыбалку не съезжу, я не бреюсь. Вот я, например, — я с продольником ежду — начинаю насаживать продольник — я уже не бреюсь. В этот день и потом <...> Пока не выберу продольник обратно <...> Два дня... ну, два дня получаеца. У меня два дня получаеца: день насаживаю да я потом выберу продольник — ну, пока рыбу обработаю... Уж на третий день бреюсь» (Фокин М.Ф., 1931 г.р., пос. Льнозавод); «Я стараюсь вот даже стараюсь в одной и той же одежде на рыбалку ходить [...]. Одед новые валенки — все, значит рыбу не наловишь» (Придеин А.Н., 1954 г.р., с. Усацево).

Подготовка к рыбной ловле играла весьма существенную роль. Обычно перед ловом снасти окуривали *вересом* (можжевельником), который воспринимается как «чистое» и «очищающее» дерево и широко используется в обрядовой практике: «Ты говориш, как поеж-

¹⁹³ Статья написана на материалах каргопольской экспедиции РГГУ, собранных в 1993—1999 г.

¹⁹⁴ Докучаев-Басков Ф.К. Записки рыболова. Из этнографических наблюдений в Каргопольском уезде // Он же. Каргополь; Ахангельск, 1996. С. 56.

жают в озеро? У нас свекровка это тоже знала. Вот приежгают мужики — два рыбака — сюда заносят снасть она берёт вересинку, зажигает вересинку и этой обносит эту снасть и перешархивает. <...>. [Читает — А.Т.] Молитву Воскрёсную [“Да воскреснет Бог...”]. Мне ещё было говаривали мужики: “Как из этого дому поедем тово году ловить, дак год оправдан будёт, хорошо попадёт рыбы”. Весной [речь идет о подледном лове — А.Т.]. А иногда и в лодке. [Что она делала с вересом? — А.Т.] — Ничёво: зажгёт да окадит снасть, потом опять обведёт да и всё» (Клочева А.А., 1920 г.р., с. Нокола).

При артельном лове снасти часто не окуривались, но сами рыбаки должны были пройти сквозь дым: «Зимой, дак окуривали. Зимой невод наладят, сети да... Невод вот сделают, ловушку сделают, все, как говорится, двадцать четыре человека собирают и невод брали и проходили все двадцать четыре человека... На заслон, там уж этово... огонёк раскладут, там верес, так вот [перед тем, как идти на лов — А.Т.], все здесь пройдут. Через этот дым. В квартире на заслон [клали верес и зажигали — А.Т.]. Все рыбаки пройдут. [А снасть? — А.Т.] А снасть нет» (Османова М.С., 1926 г.р. и Османов А.А., 1929 г.р., с. Нокола).

Этот обычай иногда актуализировался только в случае неудачного лова: «Тётка ево учила, если не ловица рыба, дак окуривали, жечь дымком. Верес дак вот, чертей отгонять, [если] рыба не ловица. <...> Не ловица рыба, надо окурица, кааца говорили» (Старцев М.Ф., 1929 г.р., с. Печниково).

Перед тем как идти на рыбалку надо посмотреть в печь: «Когда на охоту ходя, ф печь смотрят. Или на рыбалку. Вот тут и говоря: “Печь-печь, попецелься обо мне”. <...> Вот если ты пойдешь на рыбалку, так рыбы наловишь. Печь попецелице» (Авдеев А.В., 1929 г.р., с. Ошевенск).

Рыбаку давали с собой предметы, которые должны были обеспечить удачу: «Вот, например, рыбачить. Рыбака тоже надо с напутствием. Вот я, допустим, у меня мать, так она хоть немного, познала. Она вот из этой, из большой рыбины [нрзб.]. Из головы, в этой рыбине есть кресты, кресцовая кость. Она вот как раз и похожа, как крест. И эту кость ты берёшь и надо зашивать, в общем, в шапку ли, в фуражку ли куда-то. Уж ты пойдёшь на реку, дак это ты уж точно рыбы наловишь» (Евсеев И.Н., 1929 г.р., с. Шильда).

Наиболее уязвим рыбаки бывают, когда отправляется на промысел. Поэтому нельзя спрашивать куда он идет: «А вот у нас папа, например, ходил на рыбалку, дак он мало говорил. Он... если мы начнём спрашивать, бабушка нас отводила и ругала... Не мама моя, ей некогда было, а бабушка: “Ничево у отца не спрашивайте. Ничево у отца не спрашивайте!” И мы не спрашивали уже. Не спрашивали, почему. Он просто молча собирался и уходил» (Дьяченко А.А., 1933 г.р., с. Ухта). Напутствовать рыбака следовало формулой, предвещающей ему неудачу, чтобы не «сглазить»: «[Охотнику желают:] “Ни пуха, ни пера”, — а тот отвечает: “Пооди ты к чёрту!” [Рыбаку говорили:] “Ни головы, ни хвоста!” [Он отвечает:] “Пооди ты к чёрту!”» (Османов А.А., 1929 г.р., с. Нокола). Неудачу

предвещает проклятие в этот момент: «Отправит с руганью — хрен принесёшь. Понимаете, летом сенокос — надо то, другое помогать. А нам охота сбегать рыбки половить. А эти требуют, чтобы дома помогал. А если туча начинается — ну что делать — идите с Богом. Принесём с братом — шуки висят на ремне, и всё на удочки» (Челнокова А.В., 1913 г.р., с. Ухта).

В каждой деревне всегда есть человек, встреча с которым по пути на рыбалку предвещает неудачу: «Старуха есть в деревне такая: если пошел рыбак или охотник [и ее увидит — А.Т.] — ворячаца обратно, уже ничево не наловица, не наохотица <...> сглазит» (Старцев М.Ф., 1929 г.р., с. Печниково); «И говорили, што на такой глаз попадеш. Вот человек не прост на глаз или сглазил там вот животину. У нас вот была старушка, а тут сосед был, бывало, скажет: “Как пойду на рыбалку, да Окуля Олексина попадёт встречу — лучше сразу ворачивайся: ничево не принесёшь”. У ней, видимо, такой [глаз] был всегда. Она такая была тёмная» (Капустина К.М., 1927 г.р., с. Бор).

Иногда «вредный» для рыбака человека определяется по другим признакам: «[Плохо встретить] говорят, троезуба. Где зубы ещё: зубы есть, а ещё третий зуб есть. От Пошлячиха — чисто, имянно [троезубая], упокой, Господи, как пришла — мы ещё не ушли в озеро — лучше хоть не ходить. [Когда в доме собирались люди, чтобы идти на подледный лов,] как придёт в избу, лучше не ходи. Иногда заденёт, што оставиш и невод — к ночи не вытянут. На другой день опять пойдёшь, опеть и долбиш» (Османова М.С., 1926 г.р., с. Нокола).

Удачу или неудачу могут принести слова-напутствие, сказанные рыбаку случайным встречным: «Да, у рыбаков тоже были приметы. Вот у бабушки, вот на горе-то бабушка, она мне двоюродная сестра. Вот они пошли рыбу ловить [...] А вот Агриппина Михайловна, бабка, и говорит: “Подьте с Богом, ловите, да и меня старуху накормите”. Вот они пошли по Лейбуше [река — А.Т.] туда наверх. Столько наловили рыбы! Дак и корзина, и пестерь деревенский [...]. Столько наловили шук, дак прямо не знаю. И Иван Григорьевич сразу, только вытряхнул и самую первую шуку схватил и этой бабушке [нрзб.] утащил. Снес, всё: “Ой, Иванушко!” [...]. Вот на второй день бродец пошли опять. Попаласе другая, старуха другая: “Ой, батюшки! Вчерась кучу наловили, а сегодня уж, наверно, за моей рыбой пошли”. Дак вот мама все рассказывала. Говорит: “Видали, как вот рыба-то по ногам бежит нам, а в невод не попадает”. Двух вот только шук поймали, и он, покойник, первую шуку, которую поймали, он схватил да этой Настасье сходил в избу бросил. Вот, вот, видишь, какие слова» (Каменко Н.А., 1918 г.р., с. Волосово).

Рыбак должен задобрить водяного, что осуществляется с помощью «жертвы». Обычно в этой функции выступала водка: «[В воду выливали рюмку водки?] Выливали бутылку даже, не только рюмку. Вот в Тихманьге ловили, я ловил, в гослове <...> бригадир, приехали, как вырубил первую пролубь, он вынимат бутылку и выливат. Это как водяному. Подачка, штоб лучше улов был» (Капустин А.А., 1931 г.р., с. Нокола);

«В воду-то вина лили, первый раз на рыбалку пойдешь» (Дебина А.В., 1930 г.р., с. Лекшма). Иногда бросали хлеб: «Вот, кстати, тоже примета. Когда щуку идешь ловить, нужно хлеб с собой взять. И бросить кусочек хлеба, так сказать, чтобы река была милостлива. Как щуку поймаешь, надо еще бросить кусочек» (Гулянин А.С., 1927 г.р., с. Волосово); «Ак вот, там чёго, на рыбалку походят — тоже дают, кто чево может дать. Кусок хлеба бросят ли сахару кусок. В воду. Это бросают, бросают вот, кто рыболовы, рыбу-то ловят постоянно-то. [Зачем?] А вот уж этого не могу

Рис. 7. Житель д. Ньюзим Чердынского р-на Пермской обл. Н.В. Мисюрев за плетением сети. Фото из архива ИЭА (Пермский отряд).

сказать тебе, подрушка. Больше рыбы даёт» (Черепанова А.Ф., 1921 г.р., с. Ловзаньга). Н.А. Иваницкий приводит такие данные: «Рыбаки бросают лапоть с портянкой в воду с приговором: “На тебе, черт, лапти, загоняй рыбу”»¹⁹⁵. Т.А. Бернштам пишет о дарах водяному поморов: «Так, у старообрядцев кормление водяного ограничивалось бросанием в воду табака, сопровождавшимся бранью: табак и ругань как порождение “нечистого” должны были служить угодным ему подношением»¹⁹⁶.

Нельзя вести себя так, как не понравится водяному: «[Можно свистеть на рыбалке?] Будешь вести себя как водяной — не поймаешь» (Сафонов А.А., 1931 г.р., с.

Усачево). Существуют озера, на которых нельзя шуметь: «У нас вот там озерко есть в лесу. Я от мамы слыхала, што раньше там ловили старики, зимой даже ловили, дак на ём, говорят, нельзя розговаривать. Вот кода ловят, надо, штобы все молчали, а то рыба не попадёт, кто будет розговаривать» (Боус И.Н., 1940 г.р., с. Нокола); «Особенно лесные вот эти глухие озёра. Вот Боровое тоже, дедко розказывал: придёш, место найдёш там, среди лопухов, небольшое отверстие такое. Туда удочку прям опускаеш, и окуни клюют один за одним. Штук сто — сто двадцать. Пока не оторвёца, а оторвёца, — если лапнул по воде окунь, оторвался, шлёпнулся по воде — всё: хоть сколько стой — бесполезно. Лучше сразу место меняй» (Никонов И.В., 1948 г.р., с. Рягово).

Во время рыбной ловли рыбак (и профессионал, и любитель) пользуется приговорами: «Невод идёт, тянут матицу [и приговаривают:] “Попадай, рыбка крупная и мелкая!” [Матица] - как мешок вот. Сеть» (Османова М.С., 1926 г.р., с. Нокола); «При наживке червей. Рыба свежа, наживка сильна, клюнь да подёрни, ко дну потяни» (переписано из тетрадки Куценко А.Ф. 1941 г.р. и Куценко М.И. 1935 г.р. с. Нокола).

С первым уловом и первой рыбой связан целый ряд ритуалов и запретов: «У нево [у деда] вот какой ещё замечал. Вот сети поставит, ну, пробегаем, как только первая рыбина попадёт, он обязательно ей поцелует. А он этова секрета [не рассказал]. Сети поставим, подождём полчаса, вот и потом берём» (Калитин В.А. 1928 г.р., с. Нокола); «Перву рыбину выудишь, такую небольшую, съестъ живком. [Чтобы ловилось хорошо?] Да» (Сафонов А.А., 1931 г.р., с. Усачево); «Слыхала, что первая рыбина [которую поймал в году — А.Т.], говорят, надо ведь растюкать, да ей в реку отпродать. Розрезать и опустить» (Дебина А.В., 1930 г.р., с. Лекшма); «На уху давать нельзя. Ну вот, допустим, привёз, пришли на уху просить первый улов. Лучше не давай. Хоть скоко, center может тебе попал, а всё равно не давай» (Капустин А.А., 1931 г.р., с. Нокола). Аналогичные данные есть и из Вологодской губернии: «Первую заостроженную рыбу зарывают в землю для удачи»¹⁹⁷.

Когда рыбу ловили артелью, был обычай устраивать коллективную уху после лова, при этом произносили формулы и совершали действия, которые должны были обеспечить успешный промысел и в дальнейшем: «Общую уху, так конешно, поднимают [горшок с ухой над столом]. И говорят: “Попадись... Ловись, рыбка крупная и мелкая. Пошли, Господи, рыбакам на тоне, а нам на столе!” [тона — это] пролубь, закидывают когда снасть» (Ключева А.А., 1920 г.р., с. Нокола); «Потом, варят вот первый день, ежели рыба попадётся крупная, вот и варят на том илибо на другом [конце села коллективную уху] у ково-нибудь, вот, например, у меня. Я пришла, маме говорю: “Мама, затопи печь, мужики

¹⁹⁵ Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Известия Имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Т. 69. Труды этнографического отдела. Кн. 11. Вып. 1. М., 1890. С. 125.

¹⁹⁶ Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в. Л., 1983. С. 175-176.

¹⁹⁷ Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Известия Имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Т. 69. Труды этнографического отдела. Кн. 11. Вып. 1. М., 1890. С. 37.

велели уху сварить”. Вот, нальют — сперва один бульён хлещут, а потом рыбу. Отломают кусочек маленькой, тожо зафатят [захватят] все и трясут: “Нам на столе, рыбакам на тоне, нам на столе, а рыбакам на тоне!” [Поднимают] миску, блюдо. За края [?] с кусочком и приговаривают: “Нам на столе, а рыбакам на тоне!” [Тоня] — это пролуби» (Османова М.С., 1926 г.р., с. Нокола); «Устраивали неводом ловили обязательно значит, уху общую варили [...] Не говори што наелся: “Ел бы да мало,” — штобы ловилась рыба больше. [Миску с ухой над столом не приподнимали?] Наверно, было такое. [Во время общей ухи говорили] ловись, рыбка, большая, маленькая» (Сафонов А.А., 1931 г.р., с. Усачево).

В некоторых местах общая уха была приурочена к празднику Петра и Павла: «Петров день што? Петры и Павлы дык рыба... Они веть рыбные святые. И их уж славили. В первую очередь как рыбы наловят, собираюца к озеру все. Малые и старые старики и рыбы наловят и

оттуда привозят уже в Петров день. Варят общий котёл ухи там сколько полный накладывают рыбы. Эту рыбу сварят, эту уху каждый со своими сухарями. Заливают крошанку, ну вот пошли Петра да Павла славить. “Петры и Павл, пошлите нам, Господи, рыбки. Большой и маленькой.” Как проговорим, так всё, пошли крошанку заливать этой ухой» (Бирюкова А.А., 1917 г.р., с. Кречетово). Эти ритуальные трапезы имеют ярко выраженную продуцирующую функцию, как и, например, обычай собираться всей деревней по случаю окончания жатвы, который был повсеместно распространен в Каргополье.

Таким образом, комплекс рыболовецких обрядов охватывает целый год, составляя замкнутый цикл. С исчезновением рыболовецкого промысла как артельного, коллективного занятия, многое из ритуально-магической практики бригад рыболовов постепенно перешло в обиход любителей, которые сохраняют и развивают традиции рыболовов.